

Сложное впечатление

А. П. Власкин

Магнитогорский государственный университет

От текста произведения у меня осталось сложное впечатление.

С одной стороны, «историко-этнографические» фрагменты информативны и интересны. Они кое-что добавляют к тому, что мы знаем из романов Фейхтвангера (Трилогия о Флавии) и Т. Манна (Иосиф. . .). С другой стороны, всё, что можно отнести к художественности (характерология, сюжетика, эпитеты, метафоры), — откровенно слабо, на мой вкус. Поясню — почему.

Характеры: иные — плоские, другие, напротив, — прихотливо причудливые. Соответственно, и образы не складываются. Я полагаю, причиной тому — неопределенная позиция автора по отношению ко всему этому «человеческому материалу» (и к религиозному преданию). Эта авторская неопределенность сказалась даже в совсем уж условном обозначении жанра («фантастический роман»). Вот у Л. Андреева или М. Булгакова — была эта необходимая определенность.

Сюжет очень неровный. Местами большие фрагменты, особенно ближе к концу (порой целыми главами-например, 14-я, часть 15-й, 18-я), напоминают более конспект «для себя», чем законченный текст. В то же время они соседствуют с другими, излишне детализированными (до натуралистичности) описаниями как в сцене исцеления бесноватой. В этой связи не могу признать этот текст «законченными главами». Всё это сыро, недоработано.

О черновом характере текста свидетельствуют и периодические противоречия. Например, в имени матери-то Мария, то Мариам. Кстати, заметно дублирование в ее характеристиках.

Противоречия есть и в описаниях Йешуа. Ранее представлялся неоднократно «уродливым». Например: «На уродливом лице Йешуа появилась щербатая улыбка», «... тяжёлым взглядом этот горький урод проник в душу пророка» и т.д. Здесь автор как бы демонстративно отступает от библейского предания. Потом вдруг как будто спохватывается, и ближе к финалу дети уже слушают «красивого человека с чёрной бородой и длинными волосами»...

Текст насыщен «ударными» будто бы эпитетами и метафорами: «со свирепой скромностью отвечал», «Настала громоподобная пауза. . .», «Голосом сильнее урагана он посулил. . .» и т.д., и т.д. Все эти «сотрясения» не убеждают (меня, во всяком случае).

Резюмируя, скажу, что, например, печатать этот текст я бы не рекомне и довал. Думаю, и автор со мной согласился бы (и согласился ведь, оставив рукопись в архиве). Публиковать

с мемориальными целями? Но этот текст ничего не прибавит в глазах читателей к высокой репутации Р. Г. Назирова.